

УДК 811.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2026-16-1-16-24

Функционирование бессоюзных сложных предложений с однотипными предикативными частями в художественном тексте

Л. П. Водясова

*Мордовский государственный педагогический
университет им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
LVodjasova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается семантика, структура и особенности функционирования бессоюзных сложных предложений с однотипными (однородными) предикативными частями на материале художественных произведений мордовских писателей.

Цель: описание структурных и семантических характеристик бессоюзных сложных предложений с однотипными (однородными) предикативными частями, определение специфики их функционирования в художественном тексте.

Материалы исследования: бессоюзные сложные предложения с однотипными предикативными частями, извлечённые из художественных текстов мордовских писателей на эрзянском языке.

Результаты и научная новизна. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые в мордовском языкознании представлено системное, многоаспектное описание функционирования бессоюзных сложных предложений с однотипными предикативными частями на материале художественного текста. Установлено, что синтаксические конструкции этого типа обладают специфическими закономерностями построения и семантического рисунка, определённой функциональной сферой. В результате проведённого исследования выявлено, что они характеризуются однородностью, относительной семантической равноправностью входящих в них предикативных частей, выражают отношения одновременности или последовательности действий, сопоставления или противопоставления, структурно напоминают сложносочинённые предложения с соединительными или противительными отношениями. В тексте чаще всего выполняют характеризующую, оценочную, а также текстообразующую функции и используются для вовлечения читателя в художественный мир повествования и достижения достоверности, реалистичности описываемых событий.

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, однотипные предикативные части, функционирование, синтаксические отношения перечисления и сопоставления

Для цитирования: Водясова Л. П. Функционирование бессоюзных сложных предложений с однотипными предикативными частями в художественном тексте // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 16–24.

Functioning of conjunctionless complex sentences with homogeneous predicative parts in the artistic text

L. P. Vodyasova

*M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University,
Saransk, Russian Federation,
LVodjasova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article examines the semantics, structure and features of the functioning of conjunctionless complex sentences (CCS) with the same type (homogeneous) predicative parts based on the material of works of fiction by the Mordovian writers.

Objective: analysis and description of the structural and semantic characteristics of the CCS with the same type (homogeneous) predicative parts, determination of the specifics of their functioning in a literary text.

Research materials: the CCS with the same type of predicative parts, extracted from the literary texts of Mordvin writers in the Erzya language.

Results and novelty of the research: the scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in Mordovian linguistics it presents a systemic, multi-aspect description of the functioning of the CCS with the same type of predicative parts based on the material of a literary text. It has been established that syntactic constructions of this type have specific patterns of construction and semantic design, determined by the functional sphere. As a result of the conducted research, it was revealed that they are characterized by homogeneity, relative semantic equality of the predicative parts included in them, express relations of simultaneity or sequence of actions, comparison or opposition, and structurally resemble compound sentences with connecting or adversative relations. In the text, they most often perform characterizing, evaluative, and text-forming functions and are used to involve the reader in the artistic world of the narrative and achieve authenticity and realism of the events described.

Key words: conjunctionless complex sentence, identical predicative parts, functioning, syntactic relations of enumeration and comparison

For citation: Vodyasova L. P. Functioning of conjunctionless complex sentences with homogeneous predicative parts in the artistic text // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2026; 16 (1/64): 16–24.

Введение

В финно-угорской лингвистике бессоюзные сложные предложения (БСП), в отличие, например, от сложноподчинённых, которые рассмотрены в ряде работ [6; 7; 8; 14; 20; 27 и др.], относятся к одному из самых неизученных явлений синтаксиса.

Если мы зададим запрос «Бессоюзные сложные предложения в финно-угорских языках» в поисковой строке главной научной электронной библиотеки elibrary.ru, то получим небольшой список работ, часто косвенно относящихся к рассматриваемой теме. И это понятно, так как даже в русском языкознании предложения этого типа как самостоятельные синтаксические конструкции стали рассматриваться достаточно поздно. Долгое время они рассматривались как предложения с опущенными союзами. Вследствие этого устанавливались типы бессоюзных предложений соответственно союзным. Практически это осуществлялось путём подстановки подходящего по смыслу союза – сочинительного или подчинительного. И только в конце XIX в. А. А. Потёбня [17] доказал, что БСП древнее союзных и являются самостоятельными синтаксическими конструкциями. Попытки их выделить мы находим и у А. М. Пешковского [16]. Однако первое наиболее подробное описание БСП было представлено Н. С. Поспеловым [15].

Примерно с середины XX в. БСП рассматривается как самостоятельный структурно-смысловой тип. Первая детальная классификация БСП и описание их свойств были даны в «Грамматике русского языка» (1954) [10]. В настоящее время как самостоятельный тип предложений БСП представлены в работах В. А. Белошапковой [2], Н. С. Валгиной [4], Е. Н. Ширяева [23] и др. Нельзя не отметить и В. В. Бабайцеву, которая большое внимание уделяет рассмотрению синкретизма в системе бессоюзных конструкций, что является весьма актуальным, так как отсутствие в их составе материально выраженных средств связи порождает трудности при определении синтаксических отношений между предикативными единицами, вследствие чего появляется возможность неоднозначной интерпретации семантики этого типа сложного предложения [1].

Следует подчеркнуть, что в финно-угорском синтаксисе БСП также долгое время не рассматривались как самостоятельный тип. Здесь их также квалифицировали как конструкции с опущенным союзом. Такой точки зрения придерживались Ж. Шимони, А. Клемм, М. Н. Колядёнков

и др. Раньше всего на конструкции такого типа обратили внимание в удмуртском языкознании. Так, уже в 1938 г. П. Н. Перевошиков указывает, что бессоюзие характерно для разговорной речи [14]. В «Грамматике удмуртского языка» отмечается, что бессоюзная конструкция придаёт высказыванию ритмическую энергичность, обладает экспрессивностью [11, 125]. На экспрессивном потенциале удмуртского бессоюзия акцентирует внимание и Л. М. Чернышева [21, 313–319].

В отдельный самостоятельный тип БСП отнесла К. Е. Майтинская при описании синтаксиса венгерского языка [12]. В наличии предложений такого типа в марийском языке не сомневалась Л. П. Васинова [5]. В марийском языке, с точки зрения стилистического использования, они отражены в работе Г. Л. Соколовой и А. Л. Коляго. С их точки зрения, этот тип предложений наиболее близок структуре финно-угорского праязыка и приспособлен для выражения более сложной мысли. Нельзя не согласиться с авторами в том, что стилистический потенциал БСП нагляднее всего проявляется в языке художественной литературы [18, 196–200].

В мордовском языкознании БСП впервые стало предметом изучения И. С. Бузакова. Исследователь предлагает следующую дефиницию: это единое синтаксическое целое, компоненты которого связаны не союзами и союзными словами, а смысло-интонационными средствами [3, 142]. Как и большинство его предшественников, он опирается на принципы Н. С. Поспелова [15] и указывает, что при раскрытии грамматической природы БСП целесообразно учитывать, во-первых, общий синтаксический объём его составных компонентов, во-вторых, грамматические средства связи и структурные особенности компонентов [3, 141]. В зависимости от характера взаимоотношения компонентов и с функционально-семантической точки зрения И. С. Бузаков выделяет две группы: 1) БСП, соотносимые с союзными предложениями; 2) БСП, не соотносимые с союзными предложениями. Первая группа самая многочисленная, к ней автор относит конструкции, близкие по значению к сложносочинённым и сложноподчинённым предложениям (эта группа, в свою очередь, подразделяется на несколько подгрупп в зависимости от того, с каким типом сложного предложения соотносится тот или иной БСП), вторую группу составляют БСП присоединительно-пояснительного характера [3, 145]. Нельзя не согласиться с И. С. Бузаковым и в том, что БСП в мордовских языках являются категорией, одинаково часто употребляющейся как в устной, так и письменной речи.

К сожалению, других монографических работ по исследованию БСП в мордовском языкознании до настоящего времени нет. Имеется диссертация И. П. Соковой, одна из глав которой посвящена конструкциям вывода-обоснования в системе БСП [19]. БСП также представлены в соответствующих разделах учебной литературы по синтаксису мордовских языков. Автор раздела в учебнике «Мокшень кяль. Синтаксис = Мокшанский язык. Синтаксис» В. И. Щанкина при характеристике БСП больше внимания обращает на открытость и закрытость их структуры [13, 165–168]. Раздел в учебнике «Эрзянь кель. Синтаксис = Эрзянский язык. Синтаксис» составлен автором данной статьи [24, 165–171]. В нём БСП анализируются с точки зрения типологии.

Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует о несомненной актуальности настоящего исследования, определяемой важностью описания БСП с позиций структурно-семантического анализа, выявления в художественном тексте его синтаксических функций, отражающих художественный замысел автора.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования выступили романы К. Абрамова «Велень тейтерь» («Девушка из села») (1980), А. Мартынова «Даволдо икеле» («Перед бурей») (1992), сборники произведений Т. Раптанова «Чихан пандо ало» («Под Чихан-горой») и Ф. Чеснокова «Од эрямонь увт» («Гул новой жизни») (1974), этнофантастическая повесть М. Брыжинского «Кирдажт» («Однокашники») (2008), опубликованная в первом томе его «Избранных произведений» (2013), повесть Никула Эркая «Килей ведь» («Берёзовая вода») (1969), рассказы В. Арапова, В. Бурнаева, стихи Никула Эркая, опубликованные на страницах литературно-художественного журнала «Сятко» («Искра»). Общая выборка составила более полутора тысяч единиц. В статью включены лишь те, которые наиболее ярко демонстрируют описываемые факты.

Методологически наше исследование базируется на современном структурно-семантическом методе, позволяющем выявить взаимодействие структуры и семантики БСП в выражении цели, намерений автора художественного текста.

Результаты

Как известно, бессоюзными называются сложные предложения, предикативные части

которых объединены в одно целое по смыслу и интонационно, без помощи союзов или союзных слов. В эрзянском языке они широко распространены и имеют достаточно гибкую структуру. Используя методику Н. С. Валгиной [4], мы в зависимости от смысловых отношений между предикативными частями, характера интонации, сближения со сложносочинёнными и сложноподчинёнными предложениями подразделяем их на две группы: 1) БСП с однотипными (однородными) частями и 2) БСП с разнотипными (разнородными) частями. Важно, однако, отметить, что в сфере БСП весьма распространён синкретизм, под которым мы, вслед за В. В. Бабайцевой, понимаем «совмещение дифференциальных структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [1, 235]. Это означает, что ряд выражаемых отношений в БСП совмещают семантику двух структурно-семантических типов.

Отметим, что в художественных текстах мордовских авторов встречаются предложения обоих типов, однако мы рассмотрим только один из видов – с однотипными предикативными частями. Различные семантические отношения между частями БСП позволяют писателям сделать свои произведения интересными, более читабельными [25; 26; 28], применять эти конструкции своеобразно и неожиданно, чтобы создавать яркие, выразительные картины, а их яркие стилистические особенности создают условия для того, чтобы использовать эти конструкции как эстетический и изобразительный приём. Основные функции, характерные для них, – характеризующая, оценочная и текстообразующая.

БСП с однотипными предикативными частями характеризуются однородностью, относительной равноправностью частей [24, 168]. Они выражают общее значение перечисления или сопоставления и обычно используются в художественных текстах, содержащих описание или повествование.

Перечислительные отношения обозначают: 1) **одновременность фактов, событий, явлений**: *...марявить вайгельть, парьить скалт, реветь* (Ф. Чесноков) ‘...слышны голоса, мычат коровы, блеют овцы’¹ или 2) их последовательность: *Друк кивчкадсь ёндол, зэрькстась пурьгине, кармасть валомо пиземе* (В. Бурнаев) ‘Вдруг сверкнула молния, загремел гром, начал лить

¹ Здесь и далее перевод примеров на русский язык наш – Л. В.

дождь'. Перечислительные БСП с отношением одновременности между предикативными частями характеризуются: а) совпадением временных форм сказуемых: *Меельцекс эль липаиця толпандинентень [Кечай] ёртсь коське тарадкеть, верев сеске лыйкадсь толкель* (М. Брыжинский) 'Напоследок в еле тлеющий костерок [Кечай] бросил сухие веточки, вверх сразу взметнулся огонь' (в обоих предикативных частях этого БСП сказуемые выражены глаголами в форме индикатива прошедшего времени); *Латкотне домкат, потмаксост чоподат, перькаст куракишт, чувот касыть* (М. Брыжинский) 'Овраги глубоки, донья [у них] темны, вокруг [них] кусты, деревья растут' (сказуемые во всех предикативных частях этого БСП имеют форму настоящего времени, в первой и во второй частях они неглагольные, выражены именами прилагательными *домкат* 'глубоки' (в первой), *чоподат* 'темны' (во второй), о настоящем времени сигнализирует предикативный суффикс *-ат*, в третьей части сказуемое выражено глаголом в форме индикатива настоящего времени); б) свободным порядком расположения частей: *Нимилявт ливтнить, мекить бизнить* (М. Брыжинский) 'Бабочки летают, пчёлы жужжат' (предикативные части этого БСП можно с лёгкостью поменять местами, смысл высказывания не нарушится). Перечислительные бессоюзные предложения с отношением последовательности явлений между предикативными частями характеризуются: а) соотносённостью форм сказуемых, выраженных обычно глаголами в форме прошедшего времени: *Чокшне ёнов вармалгадсь, тусь начко лов* (К. Абрамов) 'К вечеру стало ветрено (букв.: заветрило), пошёл мокрый снег'; б) закреплённым порядком расположения частей: *Велявты кутьмере ёндо Вирьявась, яви зйтэть идем ракиша лангс оцинямонь чанстесь* (М. Брыжинский) 'Повернётся спиной Вирьява, расстанется с тобой удача при охоте на диких зверей' (в этом БСП части нельзя поменять местами, иначе нарушается смысл высказывания).

Перечислительные БСП имеют открытую структуру, поэтому в художественном тексте они часто выступают в виде полипредикативных, в своём составе содержат три и более предикативные части. Конструкции подобного типа мордовские писатели используют обычно в описательных текстах с качественной ремой для детализации внешности персонажей: *Анка аволь нек сэрей, лавтовоов, сельмечирькензэ тустот, якстере турвасонзо свал мизолкс* (Никул Эркай)

'Анка не очень высокая, плечистая, брови [у неё] густые, на красных губах всегда улыбка' (с помощью только одного БСП, состоящего из трёх предикативных единиц, автор рисует образ молодой женщины, который ему нравится, который полюбит читателю); ...*Иван алясь моли сенькс ёнов, сон чова чама, судозо прок цилим, сонсь сэрей ды човине* (Т. Раптанов) '...парень Иван похож на комара, он узколищый, нос [у него] словно трубка, сам высокий и худенький' (БСП, которое в том числе включает и сравнительные конструкции, с первых страниц произведения (а речь о повести Т. Раптанова «Татю») помогает автору продемонстрировать, что это отрицательный персонаж, он неприятен внешне, поэтому читатель вряд ли будет испытывать к нему положительные эмоции). Полипредикативные перечислительные БСП помогают показать одежду, которая часто говорит о состоятельности персонажа: *Марянь лангсо ориазь кручинань човине панар, лавтовонзо викинешь якстерестэ, удалонзо ревень курдюкок новолезь стака пулаесь...* (Т. Раптанов) 'На Маре (Марии) надета тонкая из кручёного холста рубашка, [её] плечи вышиты красным, сзади овечьим курдюком свисает тяжёлый пулай (этно-женский пояс с бахромой)...', описать обстановку, в которой происходит действие: *Комнатась ульнесь ванькс, киякось красязь, вальматнесэ занавескат, столенть лангсо столешиник...* (Т. Раптанов) 'Комната была чистой, пол покрашен, на окнах занавески, на столе скатерть...'. Они могут дать представление о состоянии персонажа – физическом: *Сон [Татю] кепедизе пондаки стомавт прынзо, щёканзо ульнесть румовт, кенерепакарензэ раздевь, вить мештестэ чудесь томбазь верь* (Т. Раптанов) 'Она [Татю (Татьяна)] подняла всклокоченную разбитую голову, [её] щёки были в синяках, локти разодраны, с правой груди текла чёрная кровь' или душевном: *Кирьганарезэнзэ [Эхремень] ал кевердсь, а нилеви* (Ф. Чесников) 'Ком в горле (букв.: в горло яйцо вкатилось) [Эхрема (Ефрема)], не [может] проглотить'. БСП насыщены произведения, особенно поэтические, о временах года. В силу своей синтаксической специфики они помогают автору создавать образно-семантическое единство. Так, например, следующий фрагмент из стихотворения – классическая демонстрация реализации БСП, части которого, как и частицы мозаики, складывают многоцветное и многослойное пейзажное описание: *Мазый тейтерькс налкси Сурасть, / Пейди тижэ виресь, / Лёмзёр курось ашио човокс / Валовсь ленть чирес* (Никул Эркай) 'Красивой девушкой

играет Сура, / Смеётся зелёный лес, / Куст черёмухи белой пеной / Разлился на берегу реки'. Как видим, в каждой предикативной части отражены определённые признаки, характеризующие начало весны, а в совокупности читатель наблюдает картину, изображающую расцвет природы.

В силу особой позиции в тексте БСП могут передавать микро- или макросмысл высказывания и создавать установку на последующее текстовое развитие. В примере из романа А. Мартынова «Даволдо икеле» («Перед бурей») БСП явно обладает текстообразующей предвосхищающей функцией: *Икелензэ [Марькань] менелесь копачазель стака пельсэ, пуvasь пильге лангсто правтыця варма, паксятнева кандсь тикше пакшт, седеяк зыйнезевсть палмантнень прясо уськетне* (А. Мартынов) 'Перед ней [Марькой (Марией)] небо было покрыто тяжёлыми тучами, дул сбивающий с ног ветер, по полям разносил клочья травы, ещё больше зазвенели на столбах провода'. Этим предложением писатель символически предвещает рассказ о тех тяжёлых событиях, которые ожидают героиню в родном селе и которые в конечном счёте приводят к её гибели. Автор показывает, что и сама Мария это предчувствует, поэтому закономерно, что он от её имени задаётся вопросом: *Даволсо ушодовсь важдодемам. Парс эли а парс те?* (А. Мартынов) 'С бури началась моя работа. К хорошему или плохому это?'. Текстообразующая функция связности, категория ретроспективности свойственны БСП в следующем фрагменте из рассказа Ф. Чеснокова «Лия толт ней кармасть паломо» («Другие огни теперь стали гореть»). Он включает два абзаца, оформленных, в основном, БСП. Автор сравнивает своего героя с дубом. Для нас здесь явная интертекстуальная связь с романом-эпопеей Л. Н. Толстого «Война и мир» (встречи Андрея Болконского со старым дубом). С помощью БСП писатель показывает, насколько переплетены судьбы деда Пахома – самого старого жителя села и растущего на кладбище дуба, который даже старше него и уже начал сохнуть. Они оба помнят, как жили в старину эрзяне, как приходили на моления под дубом, пили медовое пиво, ели жирное мясо: *Од сестэ ульнесь тумось, тарадонзо келейть ды кудрявт... Чись налкесь лопанзо юткова, вармась морась морот, нармунть ойсесть тарадонзо лангс оймсеме* 'Молодым тогда был дуб, [его] ветки широки и кудрявы... Солнце играло между [его] листьями, птицы садились на [его] ветки отдохнуть'. Следующее за этим БСП свидетельствует о развитии сюжетной

линии, оно придаёт фрагменту некоторую миморность, в нём сожаление о прожитых годах: *Те умок уш ульнесь, помнясызь ансяк сынь кавонест* 'Это было давно, помнят только они вдвоём'. Далее поворот в сюжетной линии. Повествованию придаётся лирически взволнованный характер, что по-прежнему демонстрируется с помощью БСП: *Ламо ютасть телеть, кизэть, ламо пиземеть пургсесть масторонть эйсэ...* 'Много прошло зим, лет, много дождей полили землю...'. И, наконец, последнее БСП фрагмента представляет собой эмоциональную концовку, в нём подытоживается, что изменения в жизни неизбежны, правда, не всегда в лучшую сторону: *Латко чирентень уш а сакшныть эрзятне пивадо симеме, а морыть икеле ладсо кизна варматне, ансяк тельня ацирьгадозь урныть ундосонть бурятне* 'На берег оврага уже не приходят эрзяне пить пиво, не поют летом, как прежде, ветры, только зимой удивлённо воют в дуплах бураны'. Абсолютно права Л. М. Чернышева, когда отмечает, что отсутствие союзов способствует «передаче насыщенности, информационной наполненности текста и образованию единства информации, идеи, действий в предложении» [21, 315].

Сопоставительные БСП всегда состоят только из двух частей, имеют замкнутую, закрытую структуру. Они выразительны и логичны. В них сопоставляются или сравниваются положения дел, изображённые в разных предикативных частях: *Вирьсэ касыця весе чувотнень лемест [эретникесь] ёвтнинзе, вейкеяк нармунь эзь менстя... – коршошь яла чатьмони* (М. Брыжинский) «Названия всех растущих в лесу деревьев [шаман] перечислил, ни одну птицу не пропустил... – филин всё молчит». Конструкции этого типа достаточно часто используются писателями в качестве яркого образного средства для создания контраста. Дополнительными элементами их структуры выступают антонимы или лексемы с противоположной семой: *Ломанть ярсыть, монень сави нильнемс сельгеть* (Т. Раптанов) 'Люди кушают, мне придётся слюну глотать'; *Туевель-туевель [Оря] ковгак, а ков туемс, а кинень совамс* (Ф. Чесноков) 'Ушла бы-ушла [Оря (Арина)] куда-нибудь, некуда уйти, не к кому зайти'.

В целом БСП с однотипными предикативными частями соотносительны по значению и структуре со сложносочинёнными предложениями, между их частями возможна постановка сочинительных союзов: *Гармониятне яказь якить, маряви киштема моро* (Ф. Чесноков) 'Гармони ходуном ходят, слышится плясовая песня' (БСП

синонимично сложносочинённому предложению с соединительным союзом *ды* «и», ср.: *Гармониятне яказь якить, ды маряви...* ‘Гармони ходуном ходят, и слышится...’; *Сурось ансяк кенерсь лисеме, тикшесь уш валозь валовсь ланганзо* (В. Арапов) ‘Просо только успело вылезти, трава уже разлилась по ней’ (БСП синонимично сложносочинённому предложению с противительным союзом *а*, ср.: ...*ансяк кенерсь лисеме, а тикшесь уш валозь валовсь...* ‘...только успело вылезти, а трава уже разлилась...’); *Сырги-сырги стака кенкшесь таркастонзо – а кирдеви тензэ [Кечай-нень]...* (М. Брыжинский) ‘Сдвинется-сдвинется тяжёлая дверь с места – не может удержать он [Кечай]’ (БСП синонимично сложносочинённому предложению с противительным союзом *но*, ср.: *Сырги-сырги..., но а кирдеви...* ‘Сдвинется-сдвинется..., но не может удержать...’).

Ряд исследователей [21; 25; 26; 29] подчёркивают, что БСП с одноклассными предикативными частями обладают экспрессивной функцией воздействия на адресата, выделения, акцентирования внимания на определённой информации. Мордовские мастера слова с целью создания образности, эмоциональности текста часто используют дополнительные средства усиления связи частей БСП. Это может быть: 1) наличие контактных слов, в роли которых чаще всего выступают: а) антонимы: *Икелев чалгасть цёрынетне, удалост – покитне* (М. Брыжинский) ‘Вперёд выступили мальчики, за ними – взрослые (букв.: большие)’; *Сестэяк ливтнесь [Кечай] коштанть, ней жо, маряви тензэ, рунгозяк седеяк шождыне, овсе арась сталмозо, нимлявдо шождыне, коське комолядоак шождыне* (М. Брыжинский) ‘И тогда летал [Кечай] по воздуху, теперь же, кажется ему, тело [его] ещё легче, невесомее, легче бабочки, легче сухой хмелинки’ (отметим, что кроме контактной антонимической лексики, писатель здесь использует ещё один приём – повторение члена предложения: ... *рунгозяк седеяк шождыне, ... нимлявдо шождыне, коське комолядоак шождыне* ‘...тело [его] ещё легче, ... легче бабочки, легче сухой хмелинки’) или б) лексемы с общим семантическим компонентом, которые при повторении обычно представлены местоимениями (личными или указательными): *Сура чирень ловось начксь, алка таркатнева сон теевь про кивень* (Никул Эркай) ‘Снег на берегу Суры намок, в низинах он сделался словно оловянный’, синонимами (чаще контекстуальными): *Течи ещё кши паморькс потсонзо арась, ярсамскак ульнесь а мезде* (Т. Раптанов) ‘Сегодня ещё крошки хлеба

во рту [у него] нет, поесть тоже нечего’; 2) неполнота одной из предикативных частей, эллипсис в её составе члена предложения, обычно подлежащего: *Те азарсень даволонть мельга каявь вадкодькс марто пиземе – рудазкавтызе кинть, суринень пес начтынзе весень...* (А. Мартынов) ‘После этой бешеной бури накинудся дождь с градом – загрязнил дорогу, до нитки намочил всех...’ (во второй предикативной единице распространённое подлежащее *вадкодькс марто пиземе* ‘дождь с градом’ опущено, что сделано автором, с одной стороны, с целью компрессии текста, а с другой, создания большей напряжённости высказывания); 3) употребление общих второстепенных членов предложения (детерминантов): *Кардазонть а мазы вайгельсэ парась скалось, цирнесь тулевксэсь* (К. Абрамов) ‘Во дворе благим (букв.: некрасивым) голосом мычала корова, визжал поросёнок’; *Те эрямонть бажасть комсомолецтнэ, бажась Сеельгак* (Т. Раптанов) ‘К этой жизни стремились комсомольцы, стремился и Сеель (букв.: Ёж (прозвище))’ (обстоятельство места *кардазонть* ‘во дворе’ (в первом примере) и распространённое дополнение *те эрямонть* ‘к этой жизни’ (во втором) одинаково относятся к обеим частям БСП). Важную роль играет лексико-синтаксический повтор, который может быть полным и частичным. Полный лексико-синтаксический повтор «представляет собой сочетание абсолютного синтаксического параллелизма и лексического повтора» [22, 6–7]: *Кулось тезэнь тетязо, кулось тезэнь уряжесэ, кулось племянникезэ, тезэнь кулость семиянек* (Т. Раптанов) ‘Умер здесь [его] отец, умерла здесь [его] уряж (жена старшего брата или дяди), умер [его] племянник, умерла здесь вся семья’. Частичный повтор предполагает наличие в БСП неполного синтаксического параллелизма и повторения одной или нескольких лексем: *Оно здыесь, оно палмань лангсо кудынесь, оно авасоло эйтэнзэ истя жо, кода улкоть, палы толмандя...* (М. Брыжинский) ‘Вон ограда, вон на столбе домик, вон недалеко от него, как и раньше, горит костёр...’. Этот приём придаёт определённую ритмику, способствуя динамизму повествования, что в значительной степени усиливает эмоциональное воздействие БСП на читателя.

Обсуждение и заключение

В ходе исследования нами рассмотрена специфика функционирования БСП с одноклассными предикативными частями, связанная с особенностями их структурных и семантических

характеристик. Обзор синтаксических единиц на материале художественного текста оправдан тем, что язык художественной литературы выступает в качестве уникальной функциональной категории литературного языка, который, как справедливо указывает И. Р. Гальперин, выступает инвариантом общей языковой системы, а язык художественной литературы является вариантом этой общей языковой системы [9, 125]. Анализ иллюстративного материала, извлечённого из художественных текстов мордовских писателей, позволил прийти к выводу о том, что конструкции этого типа характеризуются однородностью, равноправностью частей и соотносительны со сложносочинёнными предложениями. Они выражают общее значение перечисления или сопоставления и обычно используются в художественных текстах, содержащих описание или повествование. БСП с перечислительными отношениями обозначают одновременность или последовательность фактов, событий, явлений, отличаются полипредикативностью, соответ-

ственно выступают как конструкции открытой структуры и могут иметь расширение. БСП с сопоставительными отношениями всегда состоят только из двух частей, имеют замкнутую, закрытую структуру. В целом же, конструкции обоих типов обладают своеобразием и выразительностью. Мордовскими писателями они используются для создания динамичного описания, пейзажных зарисовок, целостной картины из отдельных деталей. Это помогает им сделать свои тексты более интересными для читателя.

В заключение отметим, что при описании БСП с однотипными предикативными частями, анализе их функционирования в художественном тексте, очевидным становится тот факт, что невозможно охватить все стороны этого сложного языкового явления. Представленный теоретический и иллюстративный материал следует квалифицировать как базовую ступень исследования, позволившую сформулировать основные положения проблемы и указать пути для последующей работы в данном направлении.

Список источников и литературы

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967. 160 с.
3. Бузаков И. С. Сложное предложение в мордовских языках. Труды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. Вып. 46. Ч. I. 180 с.
4. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М.: Агар, 2000. 416 с.
5. Васикова Л. П. Сложные предложения в современном марийском литературном языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 223 с.
6. Водясова Л. П. Сложноподчинённые предложения с придаточными определительными в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 426–434.
7. Водясова Л. П., Иванова Г. С., Мосина Н. М. Сложноподчинённые предложения с придаточными сравнительными в эрзянском языке // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2025. Т. 17. № 2. С. 236–248.
8. Водясова Л. П. Сложноподчинённые предложения с придаточными условными в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 4 (63). С. 640–647.
9. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
10. Грамматика русского языка: в 2 т. М.: Акад. наук СССР, 1954. Т. 2: Синтаксис. 444 с.
11. Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения / под ред. В. М. Вахрушева, В. Н. Захарова, Л. И. Калининой. Ижевск: Удмуртия, 1974. 168 с.
12. Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. III. Синтаксис. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 375 с.
13. Мокшень кяль. Синтаксис = Мокшанский язык. Синтаксис / под ред. Н. С. Алямкина, О. Е. Полякова. Саранск: Мордов. ун-т, 2008. 200 с.
14. Перевошиков П. Н. Удмурт кылын сложноподчинённой предложениос // Удмурт кылын морфология но синтаксис вопро-сьёс. 1-тй сборник. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. С. 31–74.
15. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 338–354.
16. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянских культур, 2001. 544 с.
17. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 534 с.
18. Соколова Г. Л., Коляго А. Л. Особенности функционально-стилистического использования бессоюзных сложных предложений в современном марийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 12. С. 196–200.
19. Сокурова И. П. Конструкции вывода-обоснования в современном мокшанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск: [б. и.], 2011. 19 с.
20. Уткина А. Ф. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в современном удмуртском языке // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 110–120.
21. Чернышева Л. М. Экспрессивный потенциал бессоюзия в удмуртском языке (на материале текстов публицистического стиля) // Пермистика 20: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. / отв. ред. О. В. Титова. Ижевск: УдмФИЦ ЦрО РАН, 2025. С. 313–319.
22. Шаркова И. А. Бессоюзное сложное предложение с повторяющимися словами в компонентах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2000. 24 с.

23. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М: Наука, 1986, 221 с.
24. Эрзянь кель. Синтаксис = Эрзянский язык. Синтаксис / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Мордов. ун-т, 2011. 208 с.
25. Jucker A. H. Hypertextlinguistics: Textuality and typology of hypertext // Text Types and Corpora. Studies in Honour of Udo Fries / eds. A. Fischer, G. Totti, M. Lehmann. Tübingen: Gunter Narr, 2002. Pp. 29–51.
26. Potapova N. V., Kameneva V. A. The correlation of text and hypertext categories. Actualization of text category of time in news hypertexts aimed at children // Proceedings of 8th International Conference “Social Science and Humanity”, 23–29 March 2018. London: SCIEURO Publishing, 2018. Pp. 190–203.
27. Stevani M. Unlocking meaning: truth-conditional semantic and syntactic analysis in the Bible // Kurios. 2024. T. 10. № 2. Pp. 372–386.
28. Vodyasova L. P. The development in students concepts of language aesthetic ideal while studying stylistics // Modern Science. 2017. № 7. Pp. 132–134.
29. Vodyasova L. P., Naldeeveva O. I., Naturalnova G. A., Maskaeva S. N., Savostkina M. I. Enhancement of the text competency in philology students within cognitive and communicative approach // Ad Alta. 2021. № 2. Pp. 40–43.

References

1. Babaytseva V. V. *Yavleniya perexodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Transitivity in Russian grammar]. Moscow: Drofa Publ., 2000. 640 p. (In Russian)
2. Beloshapkova V. A. *Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke* [Complex sentence in the modern Russian language]. Moscow: Prosvshhenye Publ., 1967. 160 p. (In Russian)
3. Buzakov I. S. *Slozhnoe predlozhenie v mordovskikh yazykakh. Trudy* [Complex sentence in the Mordovian languages. Proceedings]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1973. Iss. 46. Part I. 180 p. (In Russian)
4. Valgina N. S. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of the modern Russian language]. Moscow: Agar Publ., 2000. 416 p. (In Russian)
5. Vasikova L. P. *Slozhnye predlozheniya v sovremennom marijskom literaturnom yazyke* [Complex sentences in the modern Mari literary language]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1982. 223 p. (In Russian)
6. Vodyasova L. P. *Slozhnopodchinennye predlozheniya s pridatochnymi opredelitel'nymi v erzyanskom yazyke* [Complex sentences with attributive subordinate clauses in the Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (3/58), pp. 426–434. (In Russian)
7. Vodyasova L. P., Ivanova G. S., Mosina N. M. *Slozhnopodchinennye predlozheniya s pridatochnymi sravnitel'nymi v erzyanskom yazyke* [Complex sentences with comparative subordinate clauses in the Erzya language]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], 2025, no. 17 (2), pp. 236–248. (In Russian)
8. Vodyasova L. P. *Slozhnopodchinennye predlozheniya s pridatochnymi uslovnymi v erzyanskom yazyke* [Complex sentences with subordinate clauses in the Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2025, no. 15 (4/63), pp. 640–647. (In Russian)
9. Galperin I. R. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as the object of linguistic research]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 139 p. (In Russian)
10. *Grammatika russkogo yazyka: v 2 t.* [Grammar of the Russian language: in 2 vol.]. Moscow: Akad. nauk SSSR Publ., 1954. T. 2: *Sintaksis* [Vol. 2. Syntax]. 444 p. (In Russian)
11. *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Grammar of the modern Udmurt language: Syntax of a complex sentence]. Ed. V. M. Vakhrushev, V. N. Zakharov, L. I. Kalinina. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1974. 168 p. (In Russian)
12. Maytinskaya K. E. *Vengerskiy yazyk. Ch. III. Sintaksis* [Hungarian language. Part III. Syntax]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1960. 375 p. (In Russian)
13. *Mokshen' kyal'. Sintaksis = Mokshanskiy yazyk. Sintaksis* [Moksha Language. Syntax]. Ed. N. S. Alyamkin, O. E. Polyakov. Saransk: Mordov. un-t Publ., 2008. 200 p. (In Moksha)
14. Perevoshchikov P. N. *Udmurt kylyn slozhnopodchinennoy predlozhenios* [Complex sentences in the Udmurt language]. *Udmurt kylyn morfologiya no sintaksis voprosjos. 1-ti sbornik* [Issues of morphology and syntax in the Udmurt language. 1st collection]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1938. Pp. 31–74. (In Udmurt)
15. Pospelov N. S. *O grammaticheskoy prirode i principax klassifikacii bessoyuznykh slozhnykh predlozheniy* [On the grammatical nature and principles of classification of complex sentences]. *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax issues of the modern Russian language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1950. Pp. 338–354. (In Russian)
16. Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. 8-e izd.* [Russian Syntax in scientific interpretation. 8th ed.]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2001. 544 p. (In Russian)
17. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike: v 4 t.* [From the notes on Russian grammar: in 4 vol.]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. Vol. 1–2. 534 p. (In Russian)
18. Sokolova G. L., Kolyago A. L. *Osobennosti funkcional'no-stilisticheskogo ispol'zovaniya bessoyuznykh slozhnykh predlozhenij v sovremennom marijskom yazyke* [Features of the functional and stylistic use of conjunctionless complex sentences in the modern Mari language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2019, no. 12 (12), pp. 196–200. (In Russian)
19. Sokorova I. P. *Konstrukcii vyvoda-obosnovaniya v sovremennom mokshanskom yazyke* [Inference-justification structures in the modern Moksha language]. Saransk, 2011. 19 p. (In Russian)
20. Utkina A. F. *Mnogokomponentnye slozhnopodchinennye predlozheniya v sovremennom udmurtskom yazyke* [Multicomponent complex sentences in the modern Udmurt language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2025, no. 15 (1/60), pp. 110–120. (In Russian)
21. Chernysheva L. M. *Ekspressivnyj potencial bessoyuziya v udmurtskom yazyke (na materiale tekstov publicisticheskogo stilya)* [Expressive potential of conjunctionlessness in the Udmurt language (based on journalistic texts)]. *Permistika 20: Dialekty i istoriya*

permskix yazykov vo vzaimodejstvii s drugimi yazykami: sb. st. [Permistics 20: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: collection of articles]. Ed. O. V. Titova. Izhevsk: UdmFITS TsrO RAN Publ., 2025. Pp. 313–319. (In Russian)

22. Sharkova I. A. *Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie s povtoryayushhimisya slovami v komponentax* [A conjunctionless complex sentence with repeated words in its components]. *Elets*, 2000. 24 p. (In Russian)

23. Shiryaev E. N. *Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie v sovremennom* [Conjunctionless complex sentence in the modern Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 221 p. (In Russian)

24. *Erzyan'kel'. Sintaksis = Erzyanskij yazyk. Sintaksis* [Erzyan language. Syntax]. Ed. D. V. Tsygankin. Saransk: Mordov. un-t Publ., 2011. 208 p. (In Erzya)

25. Jucker A. H. Hypertextlinguistics: Textuality and typology of hypertext. *Text Types and Corpora. Studies in Honour of Udo Fries*. Eds. A. Fischer, G. Totti, M. Lehmann. Tübingen: Gunter Narr, 2002. Pp. 29–51. (In English)

26. Potapova N. V., Kameneva V. A. The correlation of text and hypertext categories. Actualization of text category of time in news hypertexts aimed at children. *Proceedings of 8th International Conference "Social Science and Humanity", 23–29 March 2018*. London: SCIEURO, 2018. Pp. 190–203. (In English)

27. Stevani M. Unlocking meaning: truth-conditional semantic and syntactic analysis in the Bible. *Kurios*, 2024, no. 10 (2), pp. 372–386. (In English)

28. Vodyasova L. P. The development in students' concepts of language aesthetic ideal while studying stylistics. *Modern Science*, 2017, no. 7, pp. 132–134. (In English)

29. Vodyasova L. P., Naldeeveva O. I., Naturalnova G. A., Maskaeva S. N., Savostkina M. I. Enhancement of the text competency in philology students within cognitive and communicative approach. *Ad Alta*, 2021, no. 2, pp. 40–43. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Водясова Любовь Петровна, профессор кафедры родного языка и литературы, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 А), доктор филологических наук, профессор.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337

ABOUT THE AUTHOR

Vodyasova Lyubov Petrovna, Professor, Department of the Native Language and Literature, M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya St., 11A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337